Статьи. Исследования

Евгений М. Шторн
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Убийства негетеросексуалов на почве ненависти (анализ материалов судебных решений)

Материалы судебных решений — плодотворная почва для социальных исследователей, поскольку в них содержится много информации о взаимодействиях между людьми при нетривиальных обстоятельствах. Вместе с тем тексты решений фактически лишены социального осмысления учеными; обстоятельства отношений, приведших к трагическим последствиям, не интересны ни правоохранительным, ни судебным органам.

В статье приводится детализированное описание и анализ текстов судебных решений по ст. 105 УК РФ (убийство), имеющих отношение к преступлениям против негетеросексуальных мужчин. Сначала изложено, каким образом были определены критерии отбора анализируемых приговоров. Затем подробно обрисовываются наиболее типичные истории в отобранных документах. При этом судебные решения проанализированы с целью изучения аспектов отношений власти к современной сексуальной культуре России. Меня интересует то, в каком социальном окружении происходят истории, представленные в текстах приговоров, как там выстраиваются властные отношения и охраняются границы гетеронормативной сексуальности. Особой детализации подвергнуты обстоятельства взаимодействия преступника и жертвы, чаще всего находящихся под влиянием алкоголя. Все убийства эксплицитным образом совершены против негетеросексуальных субъектов.

Обстоятельства убийств указывают, что преступления случались в приватных пространствах и, как правило, в состоянии алкогольного опьянения. Собранные материалы не позволяют выявить какой-либо

Евгений Михайлович Шторн — Лаборатория исследований сексуальности. E-mail: shtorn@cisr.ru. Научные интересы: исследования гендера и сексуальности, квир- и постколониальная теория, феминизм, исследования исторической и культурной памяти.
Evgeny M. Shtorn — research fellow Sexuality Lab. Research interests: Postcolonialism, Queer, Racism and Sexuality Studies, Cultural Memory Studies. E-mail: evgshtorn@gmail.com
Я благодарю Александра Кондакова и Елену Омельченко за неоценимую помощь в работе над статьей.

региональной, религиозной или этнической специфики в контексте этих преступных деяний, однако по косвенным деталям обнаруживается специфическая классовая принадлежность как жертвы, так и преступника. В заключение доказано, что разделение на приватное и публичное является ложной дихотомией при анализе жизненного опыта негетеросексуальных субъектов.

Ключевые слова: преступления ненависти, интимность, приватное/публичное, право, сексуальность

Evgeny Shtorn, National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russia
Murders of Non-heterosexuals as a Hate Crime (Based on Court Decisions)

This article examines court decisions which are very prominent issues for social scientists because they consist of information about the relationships between people in nontrivial circumstances. At the same time, the texts of decisions are in fact devoid of social understanding by sociologists, the circumstances of the relations that led to tragic consequences are not of interest to law enforcement or judicial bodies. The article provides a detailed description and analysis of the texts of court decisions under Art. 105 of the Criminal Code (murder) related to crimes against non-heterosexual men. First, I describe how the selection criteria for the analyzed sentences were determined. Then the most typical of the described stories in the selected documents are described in detail. At the same time, judicial decisions were analyzed with a view to studying the aspects of power relations in contemporary sexual culture in Russia.

I am interested in the social environment in which the stories presented in the texts of sentences occur, how power relations are built and how the boundaries of heteronormative sexuality are protected. Therefore, the details of the circumstances of the interaction of the perpetrator and the victim, most often under the influence of alcohol, are subject to special detail. All murders were explicitly committed against non-heterosexual subjects. The circumstances of the murders indicate that the crimes occurred in private spaces and, as a rule, in a state of intoxication. The collected materials are not allowed to reveal any regional, religious or ethnic specifics in the context of these criminal acts, however, by indirect details, a specific class identity of both the victim and the offender is revealed. In conclusion, I argue that the division into private and public is a false dichotomy when analyzing the life experience of non-heterosexual subjects.

Keywords: hate crimes, intimacy, private/public, law, sexuality

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-60-78

Введение

Вопросы сексуальности в современных обществах все чаще понимаются не как личные отношения между людьми, а как от-

ражение общих структур власти [Фуко, 1996]. Часто такую перспективу на понимание сексуальности поддерживают и формальные институты государства, которые, как, например, в России, на законодательном уровне утверждают единую модель нормативной сексуальности, отсылая к стереотипам о «традиционных» отношениях [Хили, 2014]. Тем не менее в отношения власти вовлекаются разные силы, не только государство с его мощными институтами, но и сами граждане, общественные организации, ученые, СМИ, — в разной степени и по-разному инициирующие дискуссию о роли, статусе и месте гомосексуальности в контексте возникающего напряжения между нормативным взглядом и сексуальными практиками [Kondakov, 2013]. В статье такое социальное напряжение прослеживается на материалах специфических взаимодействий: преступлений против неприкосновенности жизни негетеросексуальных людей.

Социологические исследования на тему гомосексуальности в России проводятся силами как российских, так и западных специалистов. Можно вспомнить ряд важных работ о телесности [Нартова, 2008], сексуальном гражданстве [Kondakov, 2014], опыте лесбиянок в позднесоветский период [Stella, 2015]. Однако многие темы в этой области знаний остаются практически неизученными в российском контексте. Фактически отсутствуют социологические исследования о насилии против ЛГБТ [Шторн, 2017], хотя эта тематика активно обсуждается в правозащитных отчетах, которые, безусловно, важны, но не относятся в строгом смысле слова к результатам социологического осмысления [Доклад, 2014; Лаборатория исследований сексуальности, 2017]. Мое исследование — пример того, как власть в контексте насилия и сексуальности могут изучаться при помощи социальных методов и теорий.

Ненависть и властные отношения

Преступления на почве ненависти вначале оказались в поле зрения правозащитников, и лишь позже этой проблемой заинтересовались правоохранители и социальные исследователи. В первую очередь это касалось расовой ненависти, а затем оформившийся концепт стал включать в себя гендерную и сексуальную дискриминацию [Janness, Gratter, 2001]. В американской академии своего рода спусковым механизмом стало убийство гомосексуального подростка Мэтью Шепарда, получившее серьезную медийную огласку и заставившее законодателей усилить меры по защите ЛГБТ от нападений [Loffreda, 2001].

Преступления ненависти зачастую становятся местом пересечения множественных дискриминаций по расовой, классовой, ген-

дерной или религиозной принадлежности [Meyer, 2015]. Д. Мейер, например, утверждает, что негетеросексуальные люди с небелым цветом кожи с гораздо большей осторожностью говорят о том, что насилие против них явилось результатом гомофобных действий и было вызвано их сексуальностью, а не расовой принадлежностью, в то время как белые мужчины усматривают основную причину насилия именно в гомофобии. Исследователь приходит к выводу, что законы о преступлениях на почве ненависти учитывают в первую очередь интересы белых мужчин, т. е. поддерживают существующую систему властных отношений в обществе во всей ее совокупности [Meyer, 2008]. К похожим заключениям приходит и Барбара Перри [Perry, 2001].

Если следовать классической криминологической теории, преступления на почве ненависти совершаются, потому что относительно менее привилегированные индивиды оказываются в уязвимом положении, поскольку их поведение или образ жизни не находят социального одобрения. Подобная теоретическая рамка не может в полной мере объяснить собственно мотив ненависти, ведь, согласно ей, те, кто осуществляет насилие, должны являться привилегированными членами общества, в то время как основное число осужденных за такие преступления, как правило, оказываются расово маркированными представителями рабочего класса [Moran, 2015].

В этом отношении важно иметь в виду, что преступления ненависти — это отношения власти, механизм социального контроля, основанного на институционализированной структуре власти, способ поддержания социальной иерархии даже в тех случаях, когда она мнима [Perry, 2001]. Иными словами, преступник действует в силу убеждения, что его некогда защищенная властная позиция в обществе оказывается под воздействием новых обстоятельств, меняющих структуру власти. Неосознаваемый мотив преступника — сохранить архаичную структуру.

Другой важный элемент в исследовании преступлений ненависти — анализ причин, по которым жертвы не обращаются в полицию. Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Дело не только в том, что потерпевшие зачастую могут бояться дополнительной агрессии со стороны полиции или принудительного «аутинга», но и в том, что правоохранительные органы могут просто не счесть совершенное деяние достаточным, чтобы считать его преступлением [Woods, Herman, 2015; Moran, 2015]. Следует особо отметить, что порой полиция может сознательно затягивать процесс. Такие случаи с российскими ЛГБТ-активистами подробно разбирают Сандстром и Сперлинг [Sundstrom, Sperling, 2016]. С одной стороны, правоохранительная система под-

чинена своей бюрократической логике, которая редко соотносится с повседневной реальностью и нуждами потерпевших. С другой, офицеры полиции — часть общества, они включены в структуру властных отношений и могут занимать позиции, негативно настроенные к жертвам гомофобного насилия.

В российском контексте есть и своя специфика, в первую очередь относящаяся к законодательному уровню. В отличие от стран, где насилие против ЛГБТ выделено в особый тип преступлений, в России такие преступления не имеют особого статуса [Дубровский, 2013]. Первая позиция неидеальна и подвергается критике со стороны общественных защитников, указывающих, что в совершении преступлений ненависти обвиняются, как правило, небелые и классово непривилегированные правонарушители, а сама эта идея лишь укрепляет логику криминализации и тюремной изоляции как способа решения социальных проблем [Lamble, 2011].

Однако вторая, условно «российская», позиция чревата игнорированием преступлений против ЛГБТ и других стигматизированных групп. Так, несмотря на защиту законом «социальных групп», российские суды редко признают ЛГБТ социальной группой, игнорируя сексуальность жертвы как значимое обстоятельство рассматриваемого дела [Кондаков, 2017a].

Так или иначе, в статье 105 УК РФ (убийство) в пункте «л» указано, что убийство заслуживает более строго наказания, если совершено «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти, или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [УК РФ]. Как можно обнаружить из этого перечня, сексуальность, как и гендер, в нем отсутствуют, и если ЛГБТ не признаются социальной группой, они не подлежат дополнительной защите в рамках производства по этой статье. Это также означает, что МВД не ведет официальной статистики по такому роду мотивов для преступлений. Поэтому весь последующий анализ строится на собственной статистике в рамках проекта Лаборатории исследований сексуальности.

Эмпирическая база

Отбор документов для анализа проводился из базы данных судебных решений Лаборатории исследований сексуальности, при этом отбирались только решения из Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (bsr.sudrf.ru), государственного источника информации о судебных решениях, она включает приговоры максимального числа судов из разных регионов России [Кондаков, 2017b, с. 47–48]. В этих документах, включенных в систему ГАС «Пра-

восудие», подробно представлена перспектива суда на заслушанные в рамках процесса показания подсудимого, свидетелей защиты, свидетелей обвинения и других участников процесса. Особое внимание может уделяться сексуальности жертвы.

Поскольку в задачи исследования входит изучение самого тяжкого преступления против человека, мотивированного ненавистью к его сексуальности, то именно это обстоятельство в документе — наиболее важный критерий для отбора текста. Из всей базы данных я исключил дела, в которых осужденный приговорен по нескольким статьям (например, умышленное убийство, вымогательство, ограбление), поскольку в этих случаях «ненависть» в качестве мотива могла перекрываться мотивом банальной наживы или способом скрыть другое преступление.

Таким образом, отобраны лишь приговоры по ст. 105 УК РФ, «убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку», без каких-либо иных статей или обстоятельств совершения преступления. Также важно было определить набор уникальных дел, поэтому я собрал только те документы, которые произведены судами первой инстанции. Первая инстанция — это суд, который рассматривает обвинение впервые, ранее установленные во время следствия события еще не получали оценку суда, а приговор еще не выносился. Это события, требующие внимания судебной системы в связи с подозрением в нарушении уголовного права, и именно в этой инстанции они впервые обозначаются как преступления, если выносится обвинительный приговор.

Таким образом, применены следующие критерии: 1) документы должны быть маркированы как преступления на почве ненависти; 2) их источник — официальная база судебных решений ГАС «Правосудие»; 3) в приговоре не должно быть иных обстоятельств преступления, которые могут служить дополнительными мотивами (кражи, вымогательства и т.п.); 4) приговор должен основываться на статье, осуждающей умышленное причинение смерти (105 УК РФ); 5) это должен быть документ первой судебной инстанции (Приговор). Применив эти критерии, я получил список из 22 судебных решений по делам, в которых жертвой убийцы стал мужчина-гомосексуал. Эти решения приняты в период между 2010 и 2016 годами, все они обвинительные, осужденные получили сроки лишения свободы от 5 до 18 лет (см. Приложение).

Указанные тексты судебных решений проанализированы на предмет изучения отношений власти в контексте описываемых судом обстоятельств. Показано, о каком социальном классе рассказываются истории в текстах судов, как люди, принадлежащие этому классу, выстраивают сексуальные отношения и охраняют границы гетеросексуальности при помощи преступлений.

Особой детализации будут подвергнуты условия, в которых происходят взаимодействия преступника и жертвы. Выделяются наиболее типичные истории, рассказанные судьями в отобранных документах.

Алкоголь и нарушение границ секретности

При анализе отобранных документов первое, что следует отметить, — практически в каждом из них описывается одинаковая ситуация, при которой убийца реализовал свой умысел. «Умысел» на совершение убийства возникает почти в каждом из случаев спонтанно и под воздействием алкоголя, обычно ночью и по отношению к малознакомым людям.

Анализ каждого из дел позволяет заключить, что в каком бы регионе ни произошло убийство, какими бы ни были прочие обстоятельства дела, сколь бы детальным не было их изложение судом, в каком количестве не собралась бы компания, где бы они ни находились в момент убийства, единственный общий элемент — состояние алкогольного опьянения. В каждом из изложенных в судебных решениях случаев (кроме одного) алкоголь так или иначе присутствует, и в подавляющем большинстве он играет определяющую роль. Ниже представлены контексты упоминания алкоголя в рассматриваемых делах.

Алкоголь как средство раскрепощения

Состояние алкогольного опьянения зачастую срабатывает как своего рода механизм «разблокировки» негетеросексуального желания в контексте гетеронормативной структуры власти.

> «*Они распивали спиртное, после чего он (Диянов В.В.) уснул, а через некоторое время проснулся от того, что С. пытался снять с него одежду, высказывая намерение о совершении акта мужеложства*»[1] (№ 3).

В этих историях алкоголь уничтожает преграды перед сексуальным желанием, физически реализуемым жертвой.

> «*Они все выпили две бутылочки настойки боярышника и легли спать. Рядом с ним на полу лег спать С. Он проснулся от того, что С.О. стал хватать его за грудь как женщину*» (№ 16).

1 Все цитаты приводятся с сохранением пунктуации и орфографии. В скобках указаны номера дел в соответствии с таблицей, приведенной в Приложении.

В иных случаях нетрезвое состояние позволяет знакомиться на улице, приглашать домой незнакомца, что, возможно, человек не стал бы делать трезвым.

> «*После работы он начал один пить водку (...) В это время к нему подошел ранее незнакомый мужчина тувинской национальности в возрасте около 40 лет, он также был в подвыпившем состоянии. Он пригласил его домой, на что он согласился, потому, что было холодно, а он шел довольно таки долго*» (№ 12).

Опьянение влияет и на убийцу — тот становится более сговорчивым и соглашается на приглашение в гости от незнакомцев.

> «*Он возвращался домой от своего знакомого (...). Находился в тот момент в состоянии алкогольного опьянения. (...) По дороге домой он встретил ранее ему незнакомого мужчину, который подошел к нему и попросил угостить его сигаретой, далее они разговорились, и мужчина пригласил его к себе домой попить пива*» (№ 22).

Важно также учитывать, что состояние алкогольного опьянения жертвы может способствовать тому, что убийца чувствует себя сильнее, что может провоцировать и эскалировать его агрессию.

> «*... На территории фермы стали ходить слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации ФИО1. Подсудимый испытывал особую неприязнь к таким людям, так как ранее был судим и отбывал наказание в местах лишения свободы, где их игнорируют. В связи этим Макушин стал презирать и ненавидеть ФИО17. (...) в вагончик зашел ФИО17 с запахом спиртного, который прошел в дальний конец вагончика и остановился около стола, повернувшись к подсудимому спиной, Макушин, испытывая ненависть и презрение к нему, захотел его убить*» (№ 13).

В другом случае алкоголь, возможно, сознательно употребляется преступником для придания себе храбрости. Ненависть и желание лишить жизни негетеросексуального субъекта может быть уже сформировавшимся, и алкоголь требуется в первую очередь для того, чтобы сделать последний решительный шаг.

> «*Он пришел к мужчине, с которым познакомился в социальной сети Интернет (...). Зайдя в квартиру, нанес мужчине удары ножом, который взял из квартиры, где до этого употреблял спиртное. Удары ножом наносил по туловищу слева и справа, также нанес удар в сердце*» (№ 8).

Распитие спиртных напитков как ритуал

Кроме того, эта наиболее часто встречаемая в отобранных судебных решениях ситуация (распитие спиртных напитков в компании)

провоцирует особые отношения между посторонними людьми. Совместное распитие спиртных напитков приводит к возникновению доверительной беседы, провоцирует «разговор по душам» и придает храбрости сделать тайное знание явным.

> «*У ФИО2 и ФИО4 было с собой спиртное, и они решили отметить праздник 8 марта. (...) ФИО2 сказал, чтобы он поздравил его с праздником. Он удивился и ответил, что праздник женский. А потом он понял, что ФИО2 имеет ввиду свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Он стал переубеждать ФИО2, говорил, что тот неправ. Они спорили, и ФИО2 с ним не соглашался*» (№ 15).

Из этой цитаты видно, что мужская негетеросексуальность может пониматься как принадлежность к «женскому» гендеру, что отсылает к общим структурам власти в обществе. Другим воспроизводством оппозиции женское/мужское в этих историях является «женоненавистничество» со стороны негетосексуальной жертвы.

> «*ФИО1 рассказала ему о том, что пока он с ФИО2 ходил в магазин за спиртным, ФИО3 её оскорбил и сказал ей, что ненавидит женщин и что поддерживает сексуальные отношения с лицами мужского пола*» (№ 9).

Распитие спиртных напитков в описываемых случаях является своего рода ритуалом и как таковой понимается актом признания равенства между собутыльниками. Если же в процессе распития открывается различие в сексуальных предпочтениях одного из участников, то равенство больше не признается и следуют жесткие санкции со стороны «обманутого» участника событий. Такой сценарий довольно распространен и обычно убийству предшествует дискуссия — спор, накаляющий страсти.

> «*Он снова спросил у ФИО6, является ли тот лицом нетрадиционной сексуальной ориентации, на что последний ответил, что это не его дело. Он был очень зол на ФИО6, в тот день он (Боклин) был сильно пьян, поэтому все воспринимал очень агрессивно. ФИО6 все-таки пояснил ему, что якобы является лицом нетрадиционной ориентации. Его разозлило, что, во-первых, ФИО6 кричал на него при этом, а также то, что тот ему сразу в этом не признался. Поэтому он замахнулся ножом и, если он не ошибается, сверху вниз нанес один удар Боклину А.А. в область шеи с левой стороны*» (№ 10).

Другой пример иллюстрирует некоторую похожесть ситуации с той только разницей, что, будучи в нетрезвом состоянии, собутыльники хвастают друг перед другом в агрессивной форме, избивая одного из присутствующих. Если конфликт не останавливается на этом, то в результате он может привести к столкновению с летальным исходом, а своего рода триггером для неутихающей агрессии может выступать негетеросексуальность избитого.

«*Когда она заявила, что В.Д. нетрадиционной ориентации, это всех возмутило, а Б.Б. предложил убить потерпевшего. Он (В.А.) нашел в колодце тюль, которым вместе с Б.Б. и В.С. стали душить потерпевшего, обмотав им шею, при чем он и В.С. тянули за один конец тюля, а Б.Б. за другой. Решив, что В.Д. скончался, они отошли от него в сторону и продолжили выпивку. В это время потерпевший зашевелился, стал хрипеть и тогда снова по предложению Б.Б., чтобы убить В.Д., они втроем тем же тюлем, с силой растягивая его концы в стороны, задушили потерпевшего*» (№ 7).

Приятельские и родственные отношения под воздействием алкоголя

Агрессия может возникнуть и по отношению к кому-то, о чьей ориентации уже известно. В этом случае можно говорить об искажении ранее существовавших отношений (дружеских или родственных) под влиянием выпитого. В приведенном ниже отрывке видно, что собутыльники знали, что распивают спиртное с негетеросексуальным субъектом, и их это никак не смущало. В суде они заявили, что жертва перешла к активным действиям, направленным на реализацию полового акта, и это стало мотивом убийства.

«*Во время распития спиртного М. стал трогать его за тело. Поскольку он знал, что М. нетрадиционной сексуальной ориентации, то потребовал от М. прекратить его трогать, после чего они продолжили распитие спиртного. Через некоторое время (...) М. стал опять приставать к нему, трогать руками за половой член и просить заняться с ним сексом, говоря, что будет "девушкой"*» (№ 11).

Для подобной близости нужна история отношений, которая несправедливо остается за рамками судебного разбирательства.

Знание о негетеросексуальности субъекта может не быть поводом к прекращению общения с ним, более того, люди могут сохранять номинально добросердечные отношения. Например, ситуация, описанная в судебном решении № 6, на первый взгляд напоминает общую картину внезапного негетеросексуального раскрытия, выраженного в форме предложения заняться сексом, что приводит к конфликту с летальным исходом.

«*Появился С. и спросил: Хозяин, есть ли работа? Тот имел в виду работу по саду. Он пригласил С. войти, тот присел на диван. Он предложил С. выпить, на что тот отказался. После этого С. встал с дивана и подошел к нему с расстегнутыми брюками, схватил его за шею и начал тянуть его на себя*».

Но в материалах дела свидетельские показания о том, что убийца прежде уже получал от жертвы подобные предложения, одна-

ко воспринимал их без такой агрессии, и отношения между ними сохранялись приятельскими. Это можно увидеть из того, что потерпевший пришел спросить о возможном приработке, и ему даже предложили выпить, несмотря на то что о его негетеросексуальности обвиняемому уже было доподлинно известно.

> «*С. он видел один раз, когда тот делал ему массаж. Во время массажа С. схватил его за половые органы, он посмеялся, оттолкнул С., сказав, что тот не женщина, после чего выгнал и больше не видел*» (№ 6).

Убийца и жертва могут состоять не только в приятельских, но также в коллегиальных и даже родственных отношениях. При этом чья-либо негетеросексуальность может восприниматься родственниками как оскорбление всей семьи. В случае с многодетной семьей из Раменского показательно, что за сильное избиение в тюрьме сначала оказался один из братьев, а позже за убийство того же негетеросексуального брата был осужден другой.

> «*Водил таких же как сам мужчин к ним домой, никого не стесняясь. Когда ФИО4 находился в состоянии алкогольного опьянения, его сексуальные влечения обострялись, и тот начинал приставать к ним — своим братьям, из-за чего между ними были неоднократные конфликты. Так младший брат ФИО12 в настоящее время находится в местах лишения свободы за причинение тяжкого вреда здоровью ФИО4, причиненного последнему также на почве домогательств (...) Находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры с ФИО4, возникшей из-за того, что последний склонял его к интимной связи (...) он совершил убийство своего брата ФИО4*» (№ 17).

Состояние опьянения выступает детонатором, позволяющим проявить затаенную агрессию. Человек мог знать, что тот или иной субъект негетеросексуален, но именно в момент сильного опьянения, столкнувшись, пусть даже случайно, с негетеросексуальным субъектом, он чувствует прилив агрессии, и это становится поводом для физического столкновения. Весьма показателен в этом смысле случай в доме для пенсионеров и инвалидов.

> «*ФИО4 рукой схватил его за рукав футболки и сказал, чтобы он ему налил выпить спиртного. Он ответил ему, что наливать и пить с ним не будет, при этом с силой ударил его (...) Он часто ругался с ФИО4 из-за его гомосексуального поведения по отношению к другим инвалидам и престарелым*» (№ 4).

Люди могут иметь затаенную агрессию в адрес того или иного человека, которая актуализируется в самой жестокой форме именно в момент опьянения. Будучи замкнуты в определенном пространстве или обстоятельствах, они могут каким-либо образом уживаться, например, игнорируя друг друга, но только до той поры, пока эта

конвенция не будет нарушена. Нарушителем может выступать как негетеросексуальный субъект, так и убийца.

Формы поддержки гетеронормативности насилием

Алкогольное опьянение не только эксплицитно присутствует практически в каждом из дел, но зачастую становится своего рода движущей силой, детонатором и провокатором скрываемой или внезапно возникающей агрессии со стороны убийцы и сексуального желания со стороны жертвы. Помимо этого мое прочтение дел позволяет заключить, что гомосексуальность инкорпорирована в ритуалы посиделок и доверительных бесед. Именно там информация о гомосексуальности обнажается перед участниками в той или иной форме. Алкоголь способствует желанию, в том числе желанию рассказывать «истину» о своем желании, создает иллюзию того, что наедине с другими люди могут «быть собой» в смысле идей Мишеля Фуко [1996]. Речь идет о ситуациях, когда незнакомцы оказываются один на один в квартире; приятели вместе выпивают и расслабляются; товарищи спят в одной кровати после пьянки; наконец, знакомые ведут задушевный разговор за бутылкой водки. Во всех этих ситуациях возникает интенция к своего рода интимности, доверию и исповеданию. Сухой язык судебных решений не дает возможности до конца погрузиться в обстоятельства этих ситуаций, однако достаточно подробно описывает их.

Ни одно из анализируемых убийств не совершено против, например, гей-активиста, который выступал бы с радужным флагом или лозунгами за права ЛГБТ на городской площади. Ни одно из убийств не произошло на демонстрации или митинге. Декларативность гомосексуальности в публичном пространстве может быть неприемлемой в глазах негативно настроенных граждан, но не карается немедленной смертью, в то время как в частных пространствах она становится объектом особого внимания и фатальных санкций.

Этому способствует само обустройство частного пространства, в котором возможно и доверительное гомосексуальное раскрытие, и последующее убийство ввиду надежды на то, что оба события останутся неизвестны. Иллюзия частного заключается в том, что оно по определению призвано хранить секреты. Тем не менее, как показывают проанализированные истории, это не так ни в случае с гомосексуальностью, ни в случае с убийством. В этом отношении один из упоминаемых выше случаев особенно показателен. Речь идет о том, что добровольные сексуальные отношения двух людей, познакомившихся в интернете, оканчиваются убийством одного из них, потому что после секса потерпевший

«*стал прикасаться к нему [преступнику] губами. Для него это явилось тяжким оскорблением*» (№ 18).

Поцелуй можно интерпретировать как эксплицитный способ начала отношений в рамках гей-идентичности, на что преступник не соглашается, предпочитая оставить сексуальность предметом частных сексуальных практик.

Способы убийств тоже представляют собой довольно приватный сценарий. Убийство совершается, как правило, подручными средствами: кухонными ножами, разбитыми бутылками, занавесками, предметами мебели, наконец, руками. Кроме того, преступники пытаются сохранить содеянное в секрете, оставить его частным делом. Убийца, например, может (один или используя помощь собутыльников и других товарищей) попытаться избавиться от трупа. Как правило, если трагедия произошла у жертвы дома, преступник пытается скрыться с места преступления. Секрет — ключевая социальная норма, поддерживающая внешние формы выражения властных отношений, поскольку предполагает, что статус-кво остается в состоянии, словно ничего не произошло.

Важно отметить, что границы статус-кво часто охраняются наиболее жестокими методами. Гетеросексуальность как система отношений власти требует особой жестокости от преступников, чтобы сохранять свой статус нормативной сексуальности. Поэтому некоторые из проанализированных дел демонстрируют высокий градус насилия. В нескольких случаях убийства было недостаточно для того, чтобы «наказать» потерпевшего за нарушение границ сексуальности, преступнику необходимо было продемонстрировать, что санкции касаются именно сферы сексуальности.

«*Он решил, что ФИО34 из-за своего поведения не достоин быть мужчиной и срезал мошонку и половой член, затем мошонку и половой член положил на его лицо*» (№ 22).

При этом убийца часто не видит в содеянном проблемы: в его задачи входит охрана уже существующего порядка гетеросексуальности, он не считает свои действия преступлением. Это проявляется в том, что преступник спешит известить близких друзей или родственников о содеянном, ищет у них поддержки или некоего символического оправдания и принятия его деяния, в основе которого лежит не нарушение закона, но, по мнению преступника, реализация справедливости в соответствии с гетеронормативной системой властных отношений.

Таким образом, в приватных ситуациях возможны наиболее жесткие формы социального контроля сексуальности, поддержи-

вающие гетеронормативные властные отношения как центр этой социальной системы. Обвиняемые пытаются оправдать свое деяние, указывая на гомосексуальность жертвы, настаивая на «аморальности», «испорченности», «опасности» самого факта его отношения к ЛГБТ. И действительно суд может принять это во внимание и смягчить наказание.

> *«СПРАВКА: апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 19 июля 2016 года приговор изменен. Признано смягчающим наказание Ефремова Д.К. предусмотренное пунктом «з» части 1 статьи 61 УК РФ обстоятельство «аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления». Назначенное Ефремову Д.К. по части 1 статьи 105 УК РФ наказание снижено до 8 лет 3 месяцев лишения свободы. В остальной части приговор оставлен без изменения»* (№ 21).

Это означает, что институт правосудия признает за преступником право определять нормы сексуальности.

Заключение

Анализ судебных решений выявил перечень ситуаций, в рамках которых негетеросексуальные субъекты были лишены жизни. Фактически все убийства совершены в результате алкогольного опьянения, часто при попытке жертвы вступить в интимную связь с обвиняемым либо при высказывании доверительного свойства о направленности своих сексуальных желаний. При прочтении судебных решений важно учитывать, что подсудимые могут скрывать или искажать детали происшествия: например, отрицать, что сексуальный контакт имел место, или, напротив, оговаривать жертву, чтобы получить смягчение наказания.

Приговоры — это только одна сторона дела. Обвиняемые в своих показаниях не описывают всех деталей дела, часть из которых могут быть ими попросту вытеснены из памяти в силу все того же алкогольного опьянения или по причине стресса, аффекта, нежелания рефлексировать на тему содеянного преступления. Все анализируемые материалы — это определенная версия событий, подвергнутая многоплановой интерпретации по мере продвижения сквозь систему правосудия.

Изучение текстов судебных решений позволяет заключить, что интерес представителей правосудия зачастую находится вне моральных суждений: вместо сексуальности в делах подробно описывается способ убийства, местоположение трупа, число нанесенных ударов колющими и режущими предметами, область нанесения ударов, стратегии сокрытия преступления, а также наличие/отсутствие признания вины.

Таким образом, все описания в большей степени сосредоточены на «технической» стороне дела. Ни следственные органы, ни суд, как правило, не вдаются в подробности «истинных» мотивов, особенно если у них имеется чистосердечное признание подсудимого. Социальный контекст либо полностью игнорируется, либо присутствует имплицитно в описаниях обстоятельств знакомства преступника и жертвы или собственно совершения преступления, но не подвергается артикулированной рефлексии или экспертизе. Такого рода материалы представляют широкие возможности для социальных исследователей по анализу систем замалчивания сексуальности и других социальных контекстов в рамках современных государственных институтов.

Важно отметить, что социальный контекст считывается через определенные локации совершенных преступлений: дома для престарелых и инвалидов, общежития, времянки для рабочих. Несмотря на то что в данной статье не преследовалась цель провести классовый анализ, я хочу указать на маргинальное положение, которое занимает подавляющее большинство субъектов описанных выше ситуаций: сироты, люди с инвалидностью, проживающие в интернатах, безработные, имеющие опыт отбывания наказания в местах лишения свободы, сезонные рабочие, рабочие, проживающие в общежитиях и т. д.

Другими классовыми маркерами могут служить такие сцены, описываемые в судебных решениях, как попытка продать телефон, чтобы купить алкоголь, или распитие алкогольсодержащих жидкостей (настойка боярышника). Более подробный классовый анализ насилия против ЛГБТ может стать почвой для будущих исследований.

Центральным событием, определяющим ситуацию проанализированных преступлений, являлось гомосексуальное раскрытие, не всегда эксплицитно ориентированное на дальнейшее совершение полового акта. В некоторых случаях о негетеросексуальности жертвы убийце могло быть уже известно, и тогда предложение интимного характера становилось катализатором агрессии, приводящим к необратимым последствиям. Система властных отношений, основанная на гетеросексуальности в качестве единственной нормы, поддерживает систему умолчаний вокруг гомосексуальности, отводит ей приватное пространство как единственное легитимное.

Именно на этих условиях негетеросексуальным субъектам предлагается реализовывать свое желание и свою сексуальность, скрывая их от посторонних глаз. Однако это пространство оказывается небезопасным. Оно скорее представляет собой серую зону, где может произойти все, что угодно, в том числе насилие и убийство.

Негетеросексуальный субъект, таким образом, остается подчинен воле случая. Принимая этот тезис, можно прийти к заключению, что серая зона приватного, в которую гетеронормативная система властных отношений выталкивает гомосексуальность, является ловушкой. В этом пространстве нет гарантий безопасности, напротив, созданы условия как для гомосексуального раскрытия, так и для жестоких санкций в отношении негетеросексуальных субъектов.

Библиография

Дубровский Д. (2013) *Преступления ненависти по отношению к ЛГБТ в России: теория и реальность*, СПб.

Кондаков А. (2017a) Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций. *Сравнительное конституционное обозрение,* (6): 131–144.

Кондаков А. (2017b) *Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России*, СПб.: Центр независимых социологических исследований.

Лаборатория исследований сексуальности (2017) *Насилие против ЛГБТ в России по данным медиа. Отчет*. (https://lgbtrightsinrussia.wordpress.com/2017/09/19/media-hate-report/)

Нартова Н. (2008) Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе. Н. Нартова, Е. Омельченко (ред.). *В тени тела*, Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та: 93–110.

Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, М: Касталь.

Хили Д. (2014) Что такое «традиционные сексуальные отношения»? А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований,* СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Шторн Е. (2017) Эссе о «субличности»: двукратная попытка поговорить о насилии. *Журнал социологии и социальной антропологии,* (5): 207–221.

Janness V., Gratter R. (2001) *Making hate a crime: From social movement to law enforcement*, N.Y.: Russell Sage Foundation.

Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, (23): 151–174.

Lamble S. (2011) Transforming carceral logics: 10 reasons to dismantle the prison industrial complex using a queer/trans analysis. N. Smith, E.A. Stanley (eds). *Captive Genders: Trans Embodiment and the Prison Industrial Complex*. Oakland, U.S.: AK Press: 235–266.

Loffreda B. (2001) *Losing Matt Shepard*, New Press.

Meyer D. (2008) Interpreting and Experiencing Anti-Queer Violence: Race, Class, and Gender Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Race, Gender & Class Journal,* 15 (3/4): 262–282.

Meyer D. (2015) *Violence against Queer People: Race, Class, Gender, and the Persistence of Anti-LGBT Discrimination*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Moran L. (2015) LGBT hate crime. N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J.G.D. Grieve (eds) *International Handbook on Hate Crime,* UK: Routledge.

Perry B. (2001) *In the Name of Hate: Understanding Hate Crimes*, N.Y.: Routledge.

Stella F. (2015) *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*, Basingstoke: Palgrave.

Sundstrom L.M., Sperling V. (2016) *LGBT Discrimination Cases in Russia and at the European Court of Human Rights* (Association for Slavic, East European and Eurasian Studies, unpublished manuscript).

Woods J.B., Herman J.L. (2015) Anti-transgender hate crime. N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J.G.D. Grieve (eds) *International Handbook on Hate Crime,* UK: Routledge.

References

Dubrovskij D. (2013) *Prestuplenija nenavisti po otnosheniju k LGBT v Rossii: teorija i real-nost'. [Hate Crimes Against LGBT in Russia: Theory and Reality]*, St. Petersburg.

Foucault M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Know: Beyong knowledge, power and sexuality], Moscow: Kastal'.

Healey D. (2014) Chto takoye "traditsionnyye seksual'nyye otnosheniya"? [What is "Traditional Sex"?] A. Kondakov (ed.). *Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 55–67.

Janness V., Gratter, R. (2001) *Making hate a crime: From social movement to law enforcement*, N.Y.: Russell Sage Foundation.

Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, (3): 403–424.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, (23): 151–174.

Kondakov A. (2017a) Yavlyayutsya li LGBT sotsial'noy gruppoy? Sotsiologicheskie kriterii ponyatiya dlya sudebnykh interpretatsiy [Is the LGBT Community a "social group"? Sociological criteria for understanding court interpretations]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, (6): 131–144.

Kondakov A. (2017b) *Prestupleniya na pochve nenavisti protiv LGBT v Rossii [Hate crimes against LGBT in Russia],* St. Petersburg: Center for Independent Social Research.

Lamble S. (2011) Transforming carceral logics: 10 reasons to dismantle the prison industrial complex using a queer/trans analysis. N. Smith, E.A. Stanley (eds). *Captive*

Genders: Trans Embodiment and the Prison Industrial Complex. Oakland, U.S.: AK Press: 235–266.

Loffreda B. (2001) *Losing Matt Shepard*, New Press.

Meyer D. (2008) Interpreting and Experiencing Anti-Queer Violence: Race, Class, and Gender Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Race, Gender & Class Journal,* 15 (3/4): 262–282.

Meyer D. (2015) *Violence against Queer People: Race, Class, Gender, and the Persistence of Anti-LGBT Discrimination*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Moran L. (2015) LGBT hate crime. N. Hall, A. Corb P. Giannasi, J.G.D. Grieve (eds) *International Handbook on Hate Crime,* UK: Routledge.

Nartova N. (2008) Drugoye (li) telo: proizvodstvo lesbiyskogo tela v lesbiyskom diskurse [Another body?: the production of a lesbian body in lesbian discourse]. N. Nartova, E. Omelchenko (eds) *V teni tela [In the shadow of the body],* Ulyanovsk: Ulyanovsk State University: 93–110.

Perry B. (2001) *In the Name of Hate: Understanding Hate Crimes*. N.Y.: Routledge.

Sexuality Lab. (2017) *Nasilie protiv LGBT v Rossii po dannym media. Otchet. [Violence against LGBT in Russia Based on Media. Report].* (https://lgbtrightsinrussia.wordpress.com/2017/09/19/media-hate-report/ date of circulation)

Shtorn E. (2017) Esse o sublichnosti: dvukratnaja popitka pogovorit' o nasilii [An Essay on "Sub-Personality": a Two-Time Attempt to Speak about Violence]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology,* (5): 207–221.

Stella F. (2015) *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*, Basingstoke: Palgrave.

Sundstrom L.M., Sperling V. (2016) *LGBT Discrimination Cases in Russia and at the European Court of Human Rights* (Association for Slavic, East European and Eurasian Studies, unpublished manuscript).

Woods J.B., Herman J.L. (2015) Anti-transgender hate crime. N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J.G.D. Grieve (eds) *International Handbook on Hate Crime,* UK: Routledge.

Приложение

Сводная таблица анализируемых судебных решений

№ п.п.	№ дела	Место	Дата решения	Статья	Срок
1	1-46/2010	Белгородская обл., Прохоровка	17.06.2010	105.1	10 ЛС
2	1-182/2010	Архангельская обл., Вельск	28.09.2010	105.1	8 ЛС
3	1-878/2010	Московская обл., Подольск	21.12.2010	105.1	7 ЛС
4	1-84/2011 (1-1135/2010;)	Хабаровск	18.01.2011	105.1	7 ЛС
5	1-439/2011	Санкт-Петербург	04.07.2011	105.1	5 ЛС
6	1-359/2012	Московская обл., Подольск	15.06.2012	105.1	6 ЛС
7	2-94/2012	Читинская обл.	23.11.2012	105.2.ж	15 ЛС
8	1-142/2013	Удмуртия, Воткинск	10.04.2013	105.1	6 лет 6 мес ЛС
9	1-3/2014 (1-202/2013;)	Амурская обл., Шимановск	23.01.2014	105.1	8 ЛС
10	1-390/2014	Волгоградская обл., Камышин	25.08.2014	105.1	10 ЛС
11	1-416/2014	Московская обл., Пушкино	18.09.2014	105.1	8 ЛС
12	1-309/2015	Тыва, Кызыл	01.04.2015	105.1	11 ЛС
13	1-91/2015	Приморский край, Михайловка	09.04.2015	105.1	10 ЛС
14	2-54/2015	Приморский край, Владивосток	14.05.2015	105.2.а	18 ЛС
15	1-221/2015	Московская обл., Дмитров	26.05.2015	105.1	9 ЛС
16	1-697/2015	Бурятия, Улан-Удэ	24.08.2015	105.1	10 ЛС
17	1-441/2015	Московская обл., Раменское	11.09.2015	105.1	5 ЛС
18	1-457/2015	Татарстан, Казань	29.09.2015	105.1	10 ЛС
19	1-172/2015	Дагестан, Махачкала	05.10.2015	105.1	10 ЛС
20	1-143/2015	Московская обл., Луховицы	09.12.2015	105.1	н/д
21	1-75/2016	Мордовия, Саранск	13.05.2016	105.1	8 лет 6 мес ЛС
22	1-376/2016	Удмуртия, Ижевск	14.09.2016	105.1	7 ЛС

Рекомендация для цитирования/For citations:

Шторн Е.М. (2018) Убийства негетеросексуалов на почве ненависти (анализ материалов судебных решений). *Социология власти*, 30 (1): 60-78.

Shtorn E.M. (2018) Murders of Non-heterosexuals as a Hate Crime (Based on Court Decisions). *Sociology of Power*, 30 (1): 60-78.

Поступила в редакцию: 01.03.2018; принята в печать: 20.03.2018